

МАСАРИК И ПОЗИТИВИЗМ*).

Василий Шваха.

Рассмотрение того, в каких отношениях Масарик находится к Конту, сразу же вводит нас в самое сердце его мышления. Въ самом деле, Масарик является сыном восемнадцатого столетия в том смысле, что он прошел школу позитивизма. Хоть он и возвысился потом над позитивизмом, это не мешало ему попрежнему заимствовать у него свою ориентацию и свой метод. Масарик всегда всерьез принимал позитивизм и, следовательно, чувствовал себя обязанным изучить его как следует и подвергнуть его серьезной критике с тем, чтобы отыскать таким образом для себя ту прочную основу, опираясь на которую можно было бы затем разрешить вековые проблемы философии. Этим Масарик отличается от целого ряда современных идеалистов, игнорирующих просто-напросто позитивизм или же не видящих в нем ничего кроме устарелой концепции, хотя ими и не было сделано усилия понять как следует позитивистическую точку зрения и углубить вытекающие из нее следствия.

Заслуга Огюста Конта состоит в том, что он смело заявил о необходимости для человеческого ума смириться после всех тщетных усилий разрешить метафизическую и религиозную проблему. Но если и есть в этом смирении своеобразная сила, это, все же, не может помешать признать, что оно очень удобно и несколько упрощенно, и что, в конце концов, в нем звучит голос бессилия. Человеческий ум содержит-де в себе «положительные» элементы, так сказать, механизирующие и экстериоризирующие и вещи и те существа, которые их понимают односто-

*) Эта статья в несколько распространенном изложении была помещена в «La Revue Française de Prague» (см. №№ 6, 7, 10, 11 и 12 за 1923—1924 г.г.).

ронне, упрощенно и даже грубо и игнорируют я, субъекта, субъективные стороны мысли, чувство и волю. Это суровое смижение Конта представляет собою завершение философии восемнадцатого столетия, т. е. рационализма Просвещения; и основатель позитивизма формулировал это наследие французского рационализма, это исповедание веры в науку, в порядок, в прогресс и в труд весьма отчетливо для своего времени.

Позитивисты всегда были и всегда будут. Вопрос не в этом, а в том, правы ли они, когда доводят свои мысли до их крайних следствий и, особенно, когда включают сюда такие элементы, которых не содержал рационализм XVIII столетия. Говоря так, я имею в виду элементы спинозизма и гегелианства, которые дают себя чувствовать в особенности в позитивистической теории относительности познания и поведения. И вот именно тут-то Масарик и перестает следовать за контовским позитивизмом. Он глубоко чувствует позитивизм, понимает его дух, строгость его требований, его суровое смижение; он борется рука об руку с ним против мифологического тумана, а равно и против теологии но он расстается с ним, как только позитивизм вместе с ми~~фами~~ и теологией выбрасывает за борт всю религию целиком. Как и позитивизм, Масарик воюет с романтизмом и чистым умозрением и совершенно разделяет его восторженное отношение к естественным наукам и социологии; но он выступает против позитивизма, когда этот последний впадает в материализм. — И Масарик тоже верит в прогресс и труд; но, в противоположность позитивистическому релятивизму, он руководится абсолютным мерилом прогресса и труда и, что особенно важно, верит в реальность различия между добром и злом и в то, что индивидуум неукоснительно ответственен и наделен обязанностями по отношению к порядку, царящему во вселенной. — Как и позитивизм, Масарик, наконец, борется с верою в чудеса и преисполнен убеждения в том, что мир управляет законами; но эти законы, по его мнению, суть дело сверхчеловеческого Пророчества, и он отвергает, поэтому, позитивистический фатализм, делающий человека, т. е. личную индивидуальность простой и бессильной частицей огромной, но косной космической машины.

Вот как, мне кажется, можно в общих чертах охарактеризовать «позитивизм», а также и «не-позитивизм» Масарика. Но я не хочу, забегая вперед, предварять те выводы, к которым нас должно привести само рассмотрение его учения. Заметим только, что те отношения, в которых это последнее находится с учением Конта и с позитивизмом — отношения во многом «положительные», но в целом и в принципе «отрицательные», — придают ему особенный характер. Благодаря тому, что, во-пер-

вых, Масарик не выработал окончательно своей системы, во-вторых, если и писал много о позитивизме и Конте, никогда не делал этого систематическим и исчерпывающим образом, и в виду того, наконец, что дело идет здесь о самых трудных проблемах философии, он представляется одним — чистым позитивистом, тогда как другие, наоборот, видят в нем решительного противника позитивизма и самого непримиримого идеалиста.

Первые опыты Масарика, относящиеся к 1876 году, были написаны им под большим или меньшим влиянием Платона. Молодой философ преисполнен восторженного энтузиазма по отношению к великому идеалисту: ему посвящает он свои первые занятия в университете и на нем же останавливается, приступив к систематическому изучению истории философии. Платон пленяет молодого философа потому, что этот последний наталкивается у него на те же проблемы, которые мучают его самого, т. е. на вопросы о том, что такое философия, что такое философ и что такое софист. Платоновские классификации будят в нем жгучий интерес и приводят его к понятию классификации наук и к предположению, что классификация и упорядочение наук позволяют, быть может, определить с точностью также и понятие философии. Но, таким образом, Масарик делает шаг в сторону Конта, бывшего, на самом деле, вторым великим философом, на котором сосредоточилось его внимание, так как учение этого мыслителя, сверх основных идей порядка и прогресса, содержало также своеобразную объективную и практическую, а равно и социологическую основу.

Масарик посвятил изучению Платона свою диссертацию 1876 года (*«Das Wesen der Seele bei Plato. Eine kritische Studie vom empirischen Standpunkte»*), представляющую собою глубокомысленное сочинение, в котором целью автора было, как он о том писал одному чешскому редактору, поставить на прочный фундамент всю систему Платона в ее целом, а также и одну из первых своих напечатанных статей, написанную в том же году, в которой речь идет о *Платоне патриоте*. Речь, произнесенная им в 1879 году для получения *venia docendi* в венском университете, была посвящена вопросу об эволюции Платонова учения о воспоминании. Его два дальнейших опыта по политической философии: *«Теория и практика»* (1876) и *«Прогресс, эволюция и цивилизация»* (1877) запечатлены столь же платоновским духом, сколь и контовским; и то же самое приходится сказать об его заметке по поводу сочинения французского ученика

Конта, Т. Функ-Брентано: «*La civilisation et ses lois. Morale sociale*» (Paris, 1876). В самом деле, в этой заметке Масарика, носившей заглавие «Закон цивилизации и будущее славян», ясно обнаруживается то, как воссоединяются у него контизм с платонизмом. Тут подвергнут рассмотрению центральный вопрос этики о мере добра и зла. Функ-Брентано, как и Огюст Конт, разрешает его релятивистически, между тем как Масарик становится на сторону платоновской концепции и верит в существование абсолютного мерила добра и зла. В равной мере он упрекает Функ-Брентано и в недостаточно ясном отделении этики, как науки о нравственных постуатах и принципах, от социологии вообще. Как это вполне естественно для только что возникшей науки, анализ общества задается тут целью сразу же возвестить постулаты, определяющие то, чем должны быть человек и общество. Вместе с тем Масарик явственно очерчивает свой собственный социологический индивидуализм и утверждает, что в сфере морали необходимо отправляться от постулатов, касающихся индивидуальной морали, и только затем можно достичнуть постулатов, имеющих отношение к морали социальной. Точно так же им затрагивается тут и капитальный вопрос о том, может ли мораль быть выведена из социологии, как науки о законах цивилизации, возможность чего он отрицает. Следовательно, по его мнению, источника нравственной оценки, источника этики приходится искать за пределами науки, что представляет собою мысль, противоречащую позитивизму. Неудача попытки Функ-Брентано показывает, что в сфере морали теоретический и психологический метод не в состоянии ничего установить; и Масарiku кажется, что автор, в конце концов, представляет моральное сознание индивидуума во власть положительной религии, так что читатель оказывается перед лицом, с одной стороны, чрезвычайно разработанной социологии, а с другой, — такой морали, принципы которой оказываются позаимствованными безо всякого критического рассмотрения у церковного катехизиса. Масарик порицает такой дуализм. По его мнению, необходимо добиться формулировки некоторой единой научно-религиозной концепции, и религия не должна, как это случилось с исторической религией, находиться в противоречии с принципами и результатами науки.

Масарик изучал приблизительно в одно и то же время Платона и Конта; и в его первых опытах легко подметить их влияние, или, лучше сказать, платоновскую и контовскую тенденции. Масарик, правда, мыслитель независимый и индивидуальный и в самом себе таит живой источник своей философии; но, все же, дать себе отчет в своей собственной мысли его побу-

дило изучение обоих упомянутых великих мыслителей. — Его работа о «Прогрессе, эволюции и цивилизации» тоже вращается вокруг типично-контовской темы. Для Масарика прогресс является синонимом эволюции и цивилизации и означает движение общества и человечества в их целом по направлению к наивысшей ступени совершенства и счастья, по направлению к усовершенствованию естественных способностей человека. Он старается установить, как зародилась в мысли человеческой эта идея прогресса (чрезвычайно запоздалая, так как спервоначала царила вера в золотой век); он отмечает, что это понятие индивидуального, а равно и общественного совершенствования ясно высказано уже у Платона, затем в христианском учении об универсальном братстве и о космополитизме (имеющем в его глазах чрезвычайное значение), а еще позднее у таких французских мыслителей, как Декарт, Паскаль, Малебранш, Перро, Боссюэ, Фонтенель, Даламбер, Кондильяк, Бюффон, Монтеские, Руссо, и у физика Фуко, который считал труд мерилом прогресса, именуя его «социометром». С этой же точки зрения Масарик изучает, в частности, обоих предшественников Канта, Тюрго и Кондорсе (причем, по его мнению, именно Тюрго первый формулировал мысль о прогрессе во всех сферах цивилизации, основываясь исключительно на фактах), последствия Великой французской революции и, наконец, в особенности, Огюста Канта.

Кант, по мнению Масарика, установил прочное основание для объяснения естественных явлений и хода развития человечества. Он указал подлинную задачу истории, состоящую в том, чтобы объяснять настоящее при помощи прошедшего, т. е. при помощи социологии. Что касается его концепций прогресса, как совершенствования духа человеческого и общества, то она тесно примыкает к мыслям Паскаля, Тюрго и Кондорсе на этот счет. И в самом деле, Кант был приведен к социологии как раз идеей общего совершенствования человечества. Он исследовал сначала развитие человеческого разума и в процессе этого исследования открыл иерархию наук и пришел к мысли о том, что наука, благодаря развитию умственных способностей человека, становилась непрерывно все более и более конкретной и сложной, начиная с самых простых отделов математики и кончая чрезвычайно сложной социологией. Закон трех состояний (теологического, метафизического и положительного) является для Канта законом прогресса во всех сферах человеческой деятельности; и своему методу он придавал очень важное значение. «Если принять во внимание, — замечает Масарик, — что в начале нашего века ни вера, ни ходящая философия не были

в состоянии удовлетворить человеческий ум, то станет вполне понятно, что Конт мог найти прибежище лишь в сфере точной науки, одержавшей победу за победой, и что он должен был, естественным образом, рассматривать ее как преддверие в философии. Таково происхождение положительной философии. Но в то же время, так как вера не была в состоянии, по мнению Конта, удовлетворить ни ума ни сердца новых поколений, он стал рассматривать свою философию как своего рода религию, будучи твердо убежден в том, что человечество нуждается в чем-то положительном».

Сам Масарик не думает, что философия сможет когда-нибудь занять место религии, но ему в высшей степени понятна эта новая вера Конта в науку, в положительную философию и в совершенствование человечества; он допускает, что эта вера могла бы стать религией, и считает естественным стремление новой философии занять место старых верований. По мнению Масарика, Конт показывает нам, что дело идет тут о будущем человечества, и что поэтому мы должны изучать законы развития в социологии, являющейся подлинною наукой о человеке, если точно хотим обеспечить его будущее. «Человечество знает ныне, что держит в немалой мере свои судьбы в своих собственных руках, и что будет тем, что из себя самого сделает. Живые руководятся все больше и больше мертвыми, говорит Конт, желая тем сказать, что будущее покоятся на прошлом, и что мы должны твердо стоять на могилах наших предков. Кто же не почувствует «мощи» этого «знания»? Кто не заметит последствий этого учения?», спрашивает себя Масарик совершенно в духе Конта.

В одном месте своих опытов, говоря о том, как Конт понимает развитие религий, Масарик высказывает мнение, что замена религии наукой *sub judice lis est*; но в конце абзаца начинает звучать у него чисто позитивистический голос, утверждающий, что только наука в состоянии определить цель прогресса и сохранить все то, что есть действительно хорошего, хотя заключительная фраза опять содержит в себе вопрос о том, «каковы же наши идеалы?» Отсюда ясно следует, стало быть, что, по мнению Масарика, идеал не устанавливается автоматически наукой. — Сверх того, в другом месте, где говорится о дарвинизме, он утверждает, что мы нуждаемся в ответе на вопросы о том, что такое Бог и бессмертие души, существует ли какой-нибудь план развития, возможно ли примирить с естественными законами свободу воли и т. п. Дарвинизм, как таковой, представляется Масарiku недоказанной гипотезой. Впрочем, он и не отрицает существования Божия, оказывается совместимым,

по Уоллесу, со спиритуализмом, и его вообще не следует смешивать ни с атеизмом ни с материализмом. Масарик не вменяет ему преувеличений, допущенных Геккелем и Бюхнером, и видит в них скорее последствие той неурядицы, которая царит в умах. — При всем том, мысль, что, согласно постулатам науки, мир должен погибнуть, побуждает Масарика думать, что прогресс человечества не неограничен. В своей статье о «*Теории и практике*» он замечает, что при этом возникает механически вопрос о том, какой прошл в развитии общества, раз мир не будет существовать вечно? — Он убежден, что и мир и все то, что существует, созданы не напрасно; и, в конце концов, он приходит к тому выводу, что необходимо постулировать бессмертие души, — мысль, приобретающая в зрелый период его мышления заметное значение в его философии.

Итак, суммируя все предыдущее, можно сказать, что, оставляя в стороне незначительные непоследовательности, естественные у молодого мыслителя, в первых произведениях Масарика и в суждениях, высказываемых им о позитивизме Канта, обнаруживается уже характерная для него тенденция, которую можно назвать «транспозитивистской» и которая, как мы увидим дальше, становится совершенно явственной в его произведениях зрелого возраста.

II

1. С самых первых же шагов своей научной деятельности Масарик специализировался в социологии. Эта наука привлекала его потому, что он был преисполнен интереса к общественным явлениям, а равно и потому также, что он был убежден в необходимости работать сознательно и методически над преобразованием человеческой жизни. Вся его философия была постоянно сосредоточена на моральных, социологических и политических проблемах. Платон пробудил в Масарике вкус к исследованиям этого рода, а Конт — представление о том, что можно сделать для того, чтобы политика получила новую и научную основу в лице социологии. И у того и у другого мыслителя Масарик открыл одни и те же тенденции; и поэтому он и рассматривает их, как мыслителей умственно родственных и между собою и с ним самим. Его первой значительной работой был труд о «*Самоубийстве, как массовом явлении современной цивилизации**). Самоубийство является, по его мнению,

*) *Selbstmord als Massenerscheinung der modernen Civilisation*, Wien, 1881.

обнаружением такого душевного состояния, при котором над сознанием господствует чрезмерный «субъективизм», не сдерживаемый ни каким-либо объективным авторитетом, ни религией. Причины того, что склонность к самоубийству замечается сильнее в современных обществах, надлежит искать в «нервном скептицизме» современного человека, в исключительном и болезненном внимании, которое он уделяет своему я. Начиная с XVIII столетия, новейшая философия, по природе своей отрицательная и разрушительная, расшатывает христианство: исаженная догма разлагается, церковная организация рушится, теократии приходит конец. Кризис тянется томительно долго. Современная «полукультура» привела к такому положению вещей, что место прежней религии оказывается незанятым ни авторитетом науки, ни какой-либо новой религией. Религиозное безразличие эпохи и поверхностный характер культуры вносят сумятицу в души и умы. Конт, — соглашается Масарик, — имел полное основание утверждать, что католицизм, удовлетворяя душевную потребность своею властною догмой, чрезвычайно мало способствует зарождению и распространению склонности к самоубийству*).

Таким образом, как и французский мыслитель, Масарик считает, что кризис, переживаемый современным обществом, является результатом умственной неурядицы, оказывающей свое влияние на нравственное и психическое состояние эпохи. Как же возможно возобладать над этой неурядицей, причиняемой крушением теологических и метафизических концепций? Конт пытается сделать это, воздвигая здание позитивизма, отличающегося практическим и, в особенности, социологическим характером. Масарик же идет дальше. Он лучше знает современного человека, тоньше анализирует индивидуума, субъекта; и поэтому он требует, чтобы на место прежней религии была поставлена новая, ищет нового авторитета *религиозного* характера. Он формулирует дилемму: или самоубийство или религия! Как и для Гёте, вся история человечества представляется ему запечатленной борьбою между верой и неверием. Это существует совершенно определенно из его статей о «Современном человеке и религии» (1896), не собранных в отдельный том, в которых он продолжает исследование проблем, поднятых им в сочинении о «Самоубийстве». Сам Конт является, по мнению Масарика, живым примером этого тяжелого кризиса. «Ход его жизни, — пишет Масарик в сочинении о «Самоубийстве», — как равно и течение его мысли, запечатлен теми же тенденциями,

*) Phil. positive, t. V. p. 308.

которые изживаются в настоящее время культурными народами. Он, который так ясно вскрыл полу-культуру нашей эпохи, боролся со всем пылом души своей за введение единства в наше представление о мире, создал грандиозную систему положительной философии и основал целую религию, он заболел душевной болезнью и хотел покончить самоубийством... Есть в этом что-то трагически тяжелое, что характеризует собою борьбу человечества». Для Масарика в той же самой мере, в какой Дж. Ст. Милль является типом неверующего протестанта, преисполненного свободолюбия, Конт является типом неверующего католика, «кажущего интеллектуальной автократии».

2. Когда Масарик приступил к изучению Юма, его, повидимому, особенно интересовало опять-таки отношение между Контом и английским философом. Его Пражская диссертация на звание профессора была: «*Скептицизм Юма и исчисление вероятностей*»*). В намерениях Масарика было дать своего рода введение в теорию индукции.

От юмовского скептицизма Масарик берет лишь критику, направленную против школьной философии, но отрицает решительно, чтобы человек мог дойти до понятия причинности только в силу простой привычки. В равной мере он отрицает, что только математика обладает достоверностью, между тем как познание, полученное из опыта не является будто бы, со своей стороны, законным. Верно, однако, что математические науки сделались основою всех точных наук, и возможность применения математического метода является критерием научной точности. И Конт тоже полагает, что науки лишь постольку становятся воистину точными и положительными, поскольку предполагают и используют математику. Место, которое занимает какая-либо наука в иерархии, спускающейся от механики к социологии по мере убывания научной точности, определяется степенью ее причастности к математике. И Конт не только считает механику, наряду с геометрией, частью прикладной математики, но охотно присоединил бы сюда еще и третью область, а именно учение о теплоте. Дж. Ст. Милль и Конт, для которых математические аксиомы индуктивны, смотрят на математику как на науку *par excellence*; а в глазах Конта, наделяющего математику именем естественной науки, она является своего рода «естественной логикой».

*) Эта диссертация была издана *in extenso* по-чешски, по-немецки же в сокращенном виде под заглавием «*David Hume's Skepsis und die Wahrscheinlichkeitsrechnung. Ein Beitrag zur Geschichte der Logik und Philosophie*» (Wien, 1887).

Далее Масарик прослеживает судьбы индуктивной логики во Франции, в сочинениях Лапласа, Дежерандо, Лакруа, Пуасона, Курно, и пишет снова по поводу Канта так: «Общественные неурядицы и повторные революции задержали во Франции сильнейшее развитие теоретической философии, а в равной мере и логики. Самым замечательным трудом в этой области является положительная философия Канта, которая наряду с теориями выдвигает и индуктивный метод. Но Кант совершенно игнорирует значение исчисления вероятностей и, в особенности, высказывается против его применения в социологии (статистике), главным образом под влиянием некоторых трудов, написанных в этом духе и свидетельствующих больше об энтузиазме, чем о логической мысли их авторов».

Масарик углубил свое знание Юма со временем своего пребывания в Вене, к какой эпохе относится перевод главного сочинения Юма: «Опыт исследования принципов морали»*). В своем предисловии к немецкому переводу он подчеркивает дважды отношения, существующие между Юмом и Кантом. Он видит в Юме классический образец того метода в морали, который он сам считает эмпирическим. Его применял и Шопенгауэр, а также некоторые другие; но никто из них не понял как следует Юма, не дал юмовскому методу применение со всеми его последствиями, «за исключением Канта, социологическая система которого, поскольку дело идет о морали, покончена целиком и всецело на юмовских принципах». Масарик заметно ценит психологическое опровержение эгоизма, попытку которого мы находим у Юма, а также противится отнесению его к лагерю утилитаристов. Наконец, он придает особенное значение тому, что английский философ объясняет поведение человеческое из побуждений эмоционального, а не рационального характера, и замечает, что и в этом отношении также Кант понял Юма лучше всех.

3. В своей книге о «конкретной логике» Масарик пытался набросать ту новую логику, которая имела бы своим предметом классификацию и иерархию наук. Он именует ее *конкретной* потому, что она изучает логику отдельных наук и показывает, как одна из наук в качестве логического орудия может служить другой науке, и как в пределах каждой науки ее догматическая часть соответствует ее историческому развитию. — Логика

*) Eine Untersuchung über die Principien der Moral, deutsch herausg. und mit einem Namen- und Sachregister versehen von Prof. Dr. Thomas Garrigue Masaryk (Wien, 1883). Нужно прибавить, что позже Масариком же была подсказана мысль о переводе сочинений Юма на чешский язык.

определяет философскую ценность отдельных наук, в том числе и свою собственную, в зависимости от того представления о философии, которое лежит в ее основании; она устанавливает, таким образом, естественную систему, охватывающую все науки, и объединяет, но не отождествляет, различные отрасли человеческого знания. Вот как сам Масарик определяет предмет и цель конкретной логики. В его глазах она является настоящим введением в философию, подлинным *Organon* в аристотелевском смысле этого слова.

В своей конкретной логике Масарик непосредственно примыкает к Конту: его книга соответствует «*Курсу положительной философии*». Его идея классификации наук и книга, посвященная ее изложению, побудила многих и в Чехии и в Германии считать его чистым позитивистом и учеником Конта. Не подлежит никакому сомнению, что, подобно самому Конту, и Масарик также чувствует потребность классифицировать и привести в единство совокупность знаний. В глазах обоих реорганизация общества и преобразование человеческого существования предполагают в качестве основного своего учения приведение в порядок человеческого знания. Характер и практическая (нравственная и политическая) цель их философии приводили их к социологии. И вот для того, чтобы построить эту науку, Огюст Конт должен был заняться классификацией и пересмотром всех наук своего времени, а Масарик начал с разработки своей «конкретной логики» (предисловие его «руководства по социологии» от 1901 года содержит длинную цитату из «конкретной логики»), в которой многие из его учеников и противников видели просто введение в социологию.

Из всех сочинений Масарика «Конкретная логика» — самое позитивистическое. Как и у Конта, идея классификации и организации наук является существенным звеном в его философии; и он пришел к ней в силу тех же самых мотивов. Центральная проблема его книги ставит его в прямую связь с французским мыслителем, которого он подвергает анализу и критике, иногда одобряя его, иногда же порицая. Он ставит ему в заслугу то, что им был найден подлинный принцип классификации и, таким образом, сделана возможной окончательная организация наук. И по его мнению также, эта классификация должна покояться на знании отдельных наук, и науки должны быть расположены согласно природе тех явлений, которые они изучают, делясь на теоретические и практические, отвлеченные и конкретные. В широком масштабе Масарик принимает контовскую классификацию и иерархию (математика, астрономия, физика, химия, биология, социология), но он ее уточняет и пополняет. Он при-

знает ее гениальной «в силу ее простоты и естественности. Разумеется, в ней заметны и позаимствования у предшественников, т. е. у Аристотеля, Бекона и Юма; но то, что принадлежит самому Конту, это — разработка и отстройка классификации, т. е. его философская концепция иерархии наук и чувство ее логической и исторической значительности, которым преисполнен Конт... Уже со временем Юма эта классификация носилась в воздухе; вот почему идея ее возникла в головах у разных учёных, совсем независимо от контовского влияния. Это обстоятельство, однако, нисколько не умаляет славы Конта, а, напротив, только придает его учению больший вес».

Масарик отвергает те возражения, с которыми Спенсер выступил против Конта. Он признает поверхностной и ошибочной ту критику, которой Спенсер подвергает понятия всеобщего и отвлеченного, и признает спенсеровскую классификацию менее ясной. Социология не является, как того хочет Спенсер, конкретной наукой. Но Спенсер, по мнению Масарика, прав против Конта, отказываясь считать астрономию отвлеченной наукой. Несмотря на отдельные пробелы, разделение наук Канта, по мнению Масарика, может служить руководящим началом для более законченной попытки в том же направлении, каковую он и попробовал осуществить. Нечего и мечтать привести тут все те возражения, которые Масарик выдвигает против классификации основателя позитивизма, но они станут ясны сами собою, если мы бросим беглый взгляд на таблицу, составленную самим Масариком и в окончательном виде опубликованную не в «*конкретной логике*» а в «*руководстве по социологии*» и в кратком добавлении к статье о классификации наук, появившейся в «*Чешской мысли*».

НАУКИ

Теоретические

I 1. Алгебра
так наз. высшая
математика.

II 2. Механика

III 3. Физика

4. Химия

IV 5. Биология

конкретные

A. Геометрия.

a. Арифметика
Описательная
геометрия

B+C. Части акустики, гидростатики и т. п., астрономия, космология, геология, минералогия и т. д. (геофизика, геохимия и т. д.)

D. Ботаника, зоология (антропология)

Практические

a. Арифметика

Описательная
геометрия

b+c. Технология (подчинение природы, в самом широком смысле этого слова)

d. Агрономия,
Зоотехника, Медицина (гигиена)

V 6. Психология	E. Конкретная психо- логия (познание лю- дей), психология животных	e. Дидактика. Пе- дагогика
7. Социология	Различные отрасли конкретной социол.	Практическая и политич. социол.
8. Лингвистика	Грамматика	Познание и препо- давание языков
9. Эстетика	Теория искусства	Практическая эстетика (домаш- нее искусство и т д
10. Логика	Конкретная логика. (классиф. и орган. наук)	Практич. логика

Философия

Внимательный читатель, как замечает в статье Масарик, может сам понять многое в этой таблице. Тем не менее, кое-какие комментарии необходимы, ибо они лучше осветят различие между классификациями Канта и Масарика. Этот последний принимает порядок, установленный Контом, но порицает этого последнего за его почти *феноменалистическую* концепцию, т. е. за его склонность считать все науки за что то однородное, что побуждает Канта расположить науки согласно одной единственной и непрерывной иерархии, как если бы все они были частями одной и той же науки. И для Масарика тоже знание едино и тождественно; но отдельные науки не представляют в его глазах чего-либо однородного, так как не однородны те явления, изучением которых они занимаются. Хотя они и являются частями единой системы, это единство отнюдь не означает однородности входящих в него частей. В абстрактных науках нет непрерывной иерархии. Конт представлял себе дело черезeschur реалистически; ему казалось, что он видит, как науки располагаются перед его глазами в один ряд. Масарик же, напротив, делит науки, руководствуясь их предметом, на различные группы, давая выявиться, таким образом, множественности различных знаний. По его мнению, мир в целом делится на пять основных категорий, среди которых мы имеем: 1) числовые и пространственные отношения; 2) движение; 3) материю и ее свойства; 4) жизнь; 5) дух (см. под римскими цифрами в таблице). — Он полагает, что науки не могут быть определены только по их предмету, так как они происходят из познающего духа и, следовательно, должны быть определены также и по субъекту, поскольку являются *человеческими* познаниями. Вот почему они делятся на теоретические и практические, а затем на отвлеченные и конкретные. Наглядный пример этих различий дают биология, зоология и медицина. — Число отдельных наук будет

различно, по мнению Масарика, в зависимости от философской концепции, ибо материализм или монизм не станет проводить различия, напр., между биологией и психологией. Конт, да и сам Масарик, подтверждают на собственном примере факт такого влияния философских идей на разделение наук. Но это последнее, сверх того, предполагает также историческое развитие и постепенную специализацию знания. В своей «*Конкретной логике*» и в своем «*Руководстве по социологии*» Масарик различал десять специальных наук; позднее же (в добавлении к статье, напечатанной в «Чешской мысли») он присоединил к ним еще науку о религии или научную теологию, считая, что религия и религиозная мысль имеют место наряду с жизнью умственной и художественной и, следовательно, заслуживают изучения, но, конечно, изучения научного, не имеющего ничего общего с вероисповедной и церковной «теологией».

Кроме индивидуализма и субъективизма Масарика, противопоставляющих соответственно «коллективизму» и «объективизму» Конта, надлежит упомянуть отделение психологии от социологии, на котором настаивает Масарик, тогда как в контовской системе психология совершенно исчезает. В глазах Масарика иерархия не может иметь чисто объективного и реального значения, ибо она наделена исключительно методологической значимостью. «Конт со своей позитивистической точки зрения, — говорит он, — иерархизировал науки, считаясь только с объектом. Он лишил психологию ее самостоятельности и подчинил ее социологии; таким образом получалась объективная иерархия, соответствующая тому, как ее представляет себе «человек-зритель», созерцающий картину мира со своего позитивистического кресла. Но такой иерархии не существует, ибо такой «зритель» должен, ведь, и сам также представлять для себя некоторое зрелище. Вот на это-то обстоятельство Конт и пожелал закрыть глаза. Но, в действительности, психология представляет собою совершенно автономную науку; и тем самым объективная непрерывность иерархии разом нарушается».

Это стремление Кonta установить объективную, реальную непрерывность в его системе наук Масарик характеризует, как упрощенный позитивистический монизм и как материализм, лишенный критического отношения к делу. На деле непрерывность нарушается уже при переходе от химии к биологии и *a fortiori* при переходе от биологии к психологии*). Словом,

*) Из разделений Масариковой таблицы, отмеченных римскими цифрами, отчетливо явствует, что значение иерархии прежде всего методологическое и отнюдь не объективное.

Конт «аннулировал психологию, забыл лингвистику и эстетику, только упомянул о логике, не высказываясь о ней как следует. Благодаря этому, ему удалось построить простую и объективную иерархию, но в ущерб критике познания. Что же касается до теологии, то ей было уделено еще того меньше места в его классификации, так как он видел в ней лишь обнаружения антропоморфизма и суеверия». Объективная и реальная иерархия, — соглашается Масарик, — возможна в естественных науках; но «она невозможна в науках о духе, между которыми существуют реальные отношения совсем иного рода. Между психологией и социологией существует одно отношение, а между этими двумя науками, с одной стороны, и иными науками о духе, с другой, совсем иного рода отношение. Слово, язык, представляет собою совершенно своеобразный мир, стоящий рядом с миром мысли и с миром материи. Вот почему лингвистика, хоть и зависит от психологией и социологии, но зависит от них иначе, чем биология зависит от химии». Подобным же образом и эстетика с логикой имеют каждая свое особое место среди наук о духе.

Философия, поскольку она является универсальным представлением о мире, характеризуется, по мнению Масарика, двумя задачами, из коих одна «реальная», так как ей приходится производить выбор среди научных достижений и объединять их, другая же методологическая, ибо философия занята установлением всеобщего синтеза. В иерархии наук она занимает последнее место. Мы поднимаемся до нее путем познания, — в меру возможности, — всех наук или, по меньшей мере, путем всеобщей научной культуры. Но в то же самое время философия является «реальной» и методологической основой всех наук. Она должна быть научной, не должна быть *выше* наук, как древняя метафизика, а «внутри наук» и «проистекать из них». Вот почему каждый философ специализируется в какой-либо части науки. Конт думал, что философия нуждается лишь в самых общих понятиях отвлеченных наук; Масарик напротив полагает, что, будучи уже давно пресыщена отвлеченной мыслью, она начинает обращать свои взоры также и в сторону наук конкретных и практических.

Итак, действительный восторг, который вызывает в Масарике положительная философия Канта, — этот, по его словам, наизамечательнейший памятник новейшей научной философии, — никаколько не мешает ему отнести к ней строго критически. Оставляя в стороне частные возражения (что классификация Канта неполна, что он забыл совершенно о целом ряде категорий, что дал преувеличенное истолкование теории ин-

дукции Юма), мы видим, что Масарик подвергает сомнению самый замысел положительной философии. В самом деле, он не верит, что для построения точной философии может быть достаточно системы отвлеченных наук. Контовскому позитивизму недостает достаточно критического анализа познания. Мифический культ точности делает ее «односторонней», а иногда и слепою, как напр. в отношении к психологии. И еще другое возражение приобретает с точки зрения Масарика особенно важное значение. А именно, Конт забывает совершенно в своей классификации, да и вообще в своей философии, о существовании морали.

Таким образом, несмотря на многочисленные точки соприкосновения, несмотря на восторженное отношение Масарика к заслуживающей всяческих похвал инициативе Конта, вознамерившегося построить научную систему мира, все же, ясно, что Масарик иначе строит свою философию. Он сам формулирует ее следующим образом, в общих чертах:

1. Каждая специальная наука должна быть культивируема в философском духе, т. е. ее взоры должны быть постоянно прикованы к миру в его целом.

2. Логика помогает нам достигнуть этой цели: отвлеченная логика и, в особенности, *теория познания*, устанавливая для нас пределы нашей способности познания; конкретная логика, классифицируя и упорядочивая наши научные знания; практическая логика, указывая нам нормы научного труда.

3. Философия всегда черпала свое вдохновение и свою силу в жизненных потребностях. *Этика является ядром философии*. — Этим Масарик хочет сказать, что человек по природе своей есть, главным образом, существо действующее, а не мыслящее, т. е. существо, наделенное разумом, но не рациональное.*). Вначале, в своей «Конкретной логике», он помещал мораль среди наук практических, психологически-социологических, рядом с политикой, вменяя в обязанность этим двум наукам совершенно управлять жизнью. Но при окончательной формулировке своей концепции он поместил мораль после всех наук, в сфере философии, так как убедился в том, что все науки содействуют ее установлению, и что, помещая ее тут, бок-о-бок с логикой и метафизикой, так сказать в самом сердце философии, он облегчает для нее установление и углубленную разработку ее же собственных концепций.

4. Наконец, для Масарика философия сливается с метафизикой в самом узком смысле этого слова. Она является все-

*.) *Bytost rozumná, ne rozumová* (см. введение в «Конкретную логику»).

наукой (*пансофией* Коменского), но все-наукой ограниченной так как воистину научной.

Эта научная философия Масарика по своему устремлению и своему духу радикально противополагается церковной теологии и традиционным религиям. Мы уже упоминали, что в глазах Масарика эта ее оппозиция носит хронический характер, и что он видит как раз в этом главную причину кризиса, охватившего новейшую эпоху. Вот заключительные слова его *«Конкретной логики»*, имеющие сюда непосредственное отношение:

«С практической точки зрения умственная и нравственная анархия нашего времени делает необходимой задачу установления на прочных основаниях одной единственной философской концепции. Конт попытался осуществить эту задачу, обосновав религию человечества и сделавшись ее первоосновником. Но подобный замысел должен был бы носить иной характер для того, чтобы быть в силах возродить упадочную эпоху. Как бы там ни было, а в труп невозможно вдохнуть новый дух. И действительно, Конт остается верен средневековой организации общества, хотя с католической точки зрения он и является, по правде говоря, величайшим еретиком. Отбросив религию, он сохранил вообще церковную организацию, тогда как другие реформаторы ждут общественной реорганизации от систематической реформы человеческого поведения. Рассматривая современное состояние общества, Конт видел, что пока только католическая организация была плодом единой философской концепции; и, думая так, основатель современного позитивизма сходился политически с отцом нового ультрамонтанства де-Мэстром».